

УДК: 811.161.1:005
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-63-74

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ДЕТЕРМИНАНТНОГО АНАЛИЗА

О.И. Валентинова, М.А. Рыбаков

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Анализируя характер соотношения детерминанты языка определенного грамматического типа и наблюдаемых на всех уровнях языковой структуры явлений, авторы статьи обсуждают с позиций системной лингвистики такие характерные для современной массовой русской речи факты, которые традиционно рассматриваются с нормативно-дидактической точки зрения: нарушение падежного согласования, использование именительного падежа вместо косвенных, появление множественного числа у абстрактных существительных вне случаев формирования конкретных переносных значений, неразличение залогов, отсутствие соотнесенности субъекта деепричастного оборота с субъектом сказуемого, использование порядка слов, не соответствующего коммуникативной (темо-рематической) структуре высказывания, ошибочное употребление синонимов и др.

Разработанный в рамках системной типологии метод детерминантного анализа языков позволил исследователям выявить уверенно закрепляющуюся в современной русской речи тенденцию к разрушению флективных связей между словами на формальном и содержательном уровнях, к росту аналитических способов построения высказывания, к развитию изоляции. Деформация флективности русского языка, вызванная ростом социальной и культурной неоднородности языкового коллектива, при сохранении таких параметров внешней детерминанты, определяющей именно флективный грамматический тип, как размер языкового коллектива и режим общения, не только затрудняет выражение сложных смыслов, но и делает их в конечном счете невостребованными в обществе, резко снижая преемственность при передаче социально значимого опыта.

В центре внимания авторов находятся такие проблемы, как взаимодействие внешней и внутренней детерминант современного русского языка, степень соответствия типологического эталона флективных языков и характеристик грамматической системы русского языка, факторы изменения частотности грамматических форм, соответствие принятой литературной нормы типологическому идеалу, соответствие массовой речевой практики литературной норме. Теоретической основой статьи стала разработанная во второй половине XX века, но до сих пор не получившая широкой известности в языкознании системная теория профессора Геннадия Прокопьевича Мельникова, раскрывшая широкие возможности для синтеза частных языковедческих дисциплин и синтеза лингвистики, семиотики и информатики.

Ключевые слова: аналитизм, детерминантный анализ, системная типология языков, типологическая динамика, русский язык, флективность

ВВЕДЕНИЕ

В системной лингвистике язык рассматривается как адаптивная система, то есть система, самонастраивающаяся в зависимости от внешних условий, для оптимального выполнения своей главной функции — функции общения. Разрабатывая системологические основы лингвистики, профессор Г.П. Мельников писал: «Как всякая самонастраивающаяся система, язык имеет многоярусную иерархиче-

скую структуру, включающую внутриярусные, межъязырусные и различные перекрестные связи» [1. С. 36]. Специфической характеристикой адаптивных систем служит «главный способ функционирования, в рамках которого в процессе адаптации происходит отбор вариантов, структуры, обеспечивающей выполнение главной функции, и отбор вариантов субстанции, наиболее подходящей для воплощения конкретного структурного образования» [1. С. 36]. Этот главный способ функционирования языковой системы в теории Г.П. Мельникова характеризуется как детерминанта языка, а поиск связей между частными признаками языковой структуры и субстанции с этим главным способом функционирования — детерминантным анализом.

Адаптация при этом понимается как процесс усиления специфических, то есть определенных «сильных» свойств системы, содействующий усилению специфических свойств надсистемы. Для языка надсистемой является коммуникация в некотором коллективе говорящих, и поэтому адаптация языка заключается в его настройке на максимально возможную эффективность выполнения коммуникативной функции в этом конкретном коллективе и в определенных условиях общения.

Таким образом, адаптивными можно признать те изменения языковой системы, которые укрепляют функциональность языковых подсистем и тем самым поддерживают детерминанту языка, и, как следствие, обеспечивают максимальную функциональность системы в отношении надсистемы.

Флективные, синтетические славянские языки, среди которых наивысшего уровня флективности достигли восточнославянские языки, на протяжении всей истории своего существования, вплоть до недавнего времени, обнаруживали крайнюю степень типологической устойчивости [2].

Сложная синтетическая флективная грамматика, подразумевающая морфологически значимое изменение звукового вида корневых и аффиксальных морфем [3], вырабатывалась в однородных оседлых мегаколлективах, чтобы уберечь многозвенный канал связи, когда невозможна передача сообщения от каждого к каждому или от одного ко всем, от грубого искажения информации [4—7].

В настоящее же время в речевых произведениях всех функциональных стилей русского языка (и других славянских языков [8]) наблюдается разрушение флективности, которое проявляется в нарушении падежного согласования, в использовании конструкций с несколькими родительными, в которых не ясны семантические значения, в появлении множественного числа у абстрактных существительных, в неразличении залогов, в отсутствии соотнесенности субъекта деепричастного оборота с субъектом сказуемого, в массивном использовании согласованных определений.

Чтобы оценить последствия происходящих изменений, необходимо иметь представление не только о внешних факторах, обусловивших формирование именно флективного грамматического строя (размере языкового коллектива, степени его однородности, образе жизни, режиме общения), но и о внутренней форме флективных языков, которая конкретизируется через особенности коммуникативного ракурса изображения сюжета в типичных высказываниях на языке соответствующего типа.

1. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИЙ ДЕТЕРМИНАНТНОГО АНАЛИЗА

Массовое нарушение падежного согласования, приводящее к ослаблению функции падежа, разрушает развиваемую флективным языком предсказательную технику, помогающую слушающему из уже услышанного хотя бы частично догадаться о том, что следует далее. В результате оказываются не востребуемыми выработанные флективным языком способы вписывания передаваемого содержания в сюжет развивающегося события — главное следствие развития предсказательной техники в передаче информации во флективных языках: «*для отпора врага*» (из монографии), «*о разработке единых требований*» (из служебной записки), «*считаем необходимым публиковать на сайтах вузов незаконных обращений должностных лиц государственных органов и организаций по поводу приема и обучения*» (из решения собрания общественной организации университетов), «*При этом оценка поведения выглядит делом крайне субъективной*» (сообщение новостного сайта) и т.п.

Если «изображение» развивающегося события обеспечивается строгим формальным противопоставлением знаков, обозначающих первоначок события (глагол), автора первоначка (именительный падеж имени), участника события, прямо испытывавшего на себе первоначок (винительный падеж прямого объекта), других участников события (имена в косвенных падежах) и так далее, а падеж представляет собой свернутое простейшее предложение и становится по сути средством сжатия первообразного текста и одновременно формальным выражением смысловой связности этого текста [9; 10; 11. С. 121—214; 12; 13], то ослабление функции падежа, разрушающее строгое формальное противопоставление знаков, делает неочевидной причинно-следственную связь всех этапов события и потому лишает слушающего возможности прогнозировать характер дальнейшей информации о событии и проверять свой прогноз.

Причинно-следственная связь всех этапов развития события затемняется и использованием конструкций с несколькими родительными, в которых не ясны семантические отношения: «*об утверждении плана мероприятий концепции целевой программы*», «*Федерация психологов образования России*» «*организовать контроль за посещаемостью сотрудников занятий*» и т.п.

О типологической деформации, переживаемой сегодня русским языком, свидетельствует появление множественного числа у абстрактных существительных: *активности, взаимодействия, идентичности, коммуникации, озабоченности*. Так на флективный языковой материал переносится типичная для аналитических языков лексическая многозначность — многие слова в изолирующих, предельно аналитических языках имеют одновременно конкретное и абстрактное значение, а значит, при желании говорящего могут получать для конкретного значения форму множественного числа. В результате утрачивается абстрагирующая сила слова, а его значение конкретизируется через его соотнесение с отдельными актами некоторого общего явления или с совокупностью таких отдельных актов. Такое употребление форм числа имеет место даже в тех случаях, когда по смыслу

важна не множественность, а распределенная конкретная единичность: «*благодарен коллегам, вклады которых отмечены в соответствующих местах и комментария*» (из предисловия к научному изданию).

Деформацией является также стандартизация флексии существительных именительного падежа множественного числа: вопреки литературной норме и исторической приоритетности варианта **-ы** вместо формальных вариантов **-ы/-а** в массовой речи последних лет, в том числе письменной, все шире распространяется флексия **-а**: *площадь, очередь, шлема, крема, договора*. Утрата в массовом и профессиональном сознании возможности смысловозначения расчлененного и нерасчлененного множества, которое [смысловозначение] определялось выбором флексии **-ы** или **-а** (*профессоры, доктора* — расчлененное множество, *профессора, доктора* — нерасчлененное множество) привела к закреплению стилистического восприятия вариантов: *секретари* — *секретаря, шоферы* — *шофера*. В наблюдаемой сегодня ситуации редуцируется и стилистическое противопоставление: дифференциация и смысловых, и стилистических оттенков становится невосребованной в жизни языкового коллектива.

Отсутствие кореференции субъекта деепричастного оборота с подлежащим (например: *Набрав высоту, связь с вертолетом прекратилась*) — не менее характерная для современного массового употребления грамматическая черта, подрывающая основы флективности.

Необходимо, однако, отметить, что интерпретация отсутствия соотношения субъекта деепричастного оборота с подлежащим как результат типологического воздействия на русский язык английского должна ограничиваться текущими изменениями русского языка.

Конструкции типа «*идучи я в школу, встретился со мной приятель*», на неправильность которых обращал внимание еще М.В. Ломоносов, в исторически предшествующие эпохи считались рефлексом русско-французского билингвизма российской дворянской культуры и потому долгое время понимались как галлицизмы.

Но эти же конструкции существовали и в самом русском языке, как доказал Ф. Миклошич [15] и подтвердили А.А. Потебня [16], Д.Н. Овсянко-Куликовский [17], А.М. Пешковский [18], задолго до того, как русский язык подвергся «чужеземным влияниям». А значит, при оценке характера типологических изменений требование историзма оказывается обязательным.

П.М. Бицилли [19] отмечал частое употребление этих оборотов у А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова — «авторов времени, когда классический язык уже оформился»: *Въехавши на пригорок.., вдруг предстали пред нами две горы* (Грибоедов, Письмо к Бегичеву), *Читая Шекспира и библию, св. дух иногда мне по сердцу...* (Пушкин, Письмо к Вяземскому), *Приехав в Семипалатинск, встретили меня хлопоты по устройству квартиры* (Достоевский, Письмо к Врангелю) и т.п.

Типологическая интерпретация П.М. Бицилли встречающихся у классиков оборотов с отсутствием кореференции субъекта деепричастного оборота с подлежащим носила иной характер. П.М. Бицилли полагал, с чем нельзя не согласиться,

что в данном случае речь идет о крайнем проявлении синтетичности языка, под которой ученый понимал «тяготение к созданию фраз, являющихся по своей внутренней форме каждая — *одним* словом»: «Их „неправильность“ означает их неразложимость. Они лучше, точнее выражают то, что находится в сознании говорящего, чем «правильные», каких требовал Ломоносов. Для него, говорящего, сам, идущий по улице, его движение по улице, его встреча с приятелем, приятель — все это лишь отдельные стороны одного и того же, целостного, предмета восприятия, один *образ*; а значит, указание на него, выраженное в форме, не поддающейся разложению, в действительности является наиболее удачным образом — *символом*, воспринимаемым скорее как одно слово чем как предложение. А тот факт, что слушатель, или читатель, *принимает* сказанное ему так, как этого хочет говорящий, свидетельствует, что и в *его сознании* высказанное подобным способом создается таким же, каким оно было в сознании говорящего» [19. С. 294]. Такие синтаксические структуры, которые в условиях более благополучной социально-культурной ситуации можно было бы назвать реликтами полисинтетизма (инкорпорации), в настоящее время воспринимаются как слепки с английских конструкций.

Однако массовое активное использование английских структурных, равно как и лексических, заимствований не является следствием свободного полифункционального владения английским языком. Скорее наоборот. Коммуникативный ракурс подобных высказываний становится окказиональным, а значит, для установления достоверного значения требуется расширение контекста, иногда очень существенное. Передача сложных смыслов в сложившей коммуникативной обстановке либо крайне затрудняется, либо просто остается невостребованной. Однако «русисты успешно не замечают подвижек в русской грамматике, но продолжают живо обсуждать нормативность отдельных словоупотреблений» [20. С. 311].

Расширение границ употребления деепричастных оборотов приводит к вытеснению характерных именно для флективных языков сложноподчиненных предложений и, как следствие, к росту аналитизма. Если для деепричастного оборота характерно примыкание к остальной части высказывания, семантически более независимое положение, то для сложноподчиненного предложения — более четкое указание на характер логических связей между двумя предикатами и их ясно выраженная иерархия. Свободная же кореференция деепричастного оборота отражает настрой на окказиональную семантизацию грамматической конструкции, выражает не связь событий, а их некоторую соположенность в пространстве и времени.

Такие изменения в массовой русской речи вызваны изменением условий коммуникации: в первую очередь — ростом неоднородности языкового сообщества и, следовательно, ростом количества сюжетов, требующих различных фоновых знаний и соответственно окказиональной внутренней формы.

Неразличение залогов — еще одно характерное грамматическое явление нашего времени:

Школа выражает благодарность за участие в профессионально-ориентированном мероприятии вместо *Школа выражает благодарность за участие в про-*

фессионально-ориентирующем мероприятии, поскольку мероприятие ориентирует школьников в выборе профессии, само же мероприятие в ориентации не нуждается;

Несмотря на это, женщина смогла проникнуть на запрещающую территорию вместо *Несмотря на это женщина смогла проникнуть на запретную территорию*, ведь территория запрещать ничего не может, а значит, территория не может согласовываться с причастием действительного залога.

Ошибки в употреблении залогов связаны не с содержанием категории, которая широко распространена как в синтетических (например, последовательно выражена в латинском языке при помощи отдельной системы флексий), так и в аналитических языках (например, в английском), а с десемантизацией залоговых показателей. Торопливая, поверхностная и автоматизированная речь не оставляет говорящему времени на точное употребление морфологических показателей. Смысл приблизительно соотносится с ситуацией в целом, употребление аффиксов еще по привычке ощущается как необходимое, но смысл этих аффиксов уже представляется говорящему смутно.

Согласованное определение уверенно вытесняет использование косвенных падежей существительных в атрибутивной функции, однако не возмещает выражаемые ими семантические отношения [21. С. 269]: *академическое руководство* вместо *руководство Академии наук*, *академический храм* вместо *храм при Духовной академии*, *семинарский храм* вместо *храм при семинарии*, *дипломатический маэстро* вместо *маэстро в области дипломатии* (о Виталии Чуркине — представителе РФ в ООН), *лингвистический конфликт* вместо *конфликт между носителями разных языков* (речь идет о конфликте между носителями французского и фламандского языков в Бельгии, а не о конфликте, разразившемся в науке о языке).

Сдвиг определения в левую позицию (в терминах генеративного синтаксиса), калькирующий английский (левоветвящийся) синтаксис, оказывается нарушением типичного для русского языка порядка слов.

Эта тенденция охватывает целые определительные обороты, делая высказывания маловразумительными: *Водитель сбившей машину с детьми «Газели» мог уснуть за рулем* (сообщение новостного сайта).

Размыкание именной группы *водитель ... «Газели»* способствует еще большему обесмысливанию фразы. Общей тенденции отвечало бы и появление в этом высказывании *газельного водителя* и *детской машины*, которые бы сделали его еще более компактным и еще менее русским.

Замена родительного падежа определением-прилагательным в таких случаях в прилагательное несуществующий смысл и деформирует его лексическое значение.

В сложившейся ситуации массовое использование согласованного определения нельзя интерпретировать как проявление флективности, поскольку речь идет о том, что согласованное определение начинает подменять собой выработанные языком возможности выражения тонких оттенков обстоятельственно осложненных атрибутивных отношений, выражаемых беспредложными и предложными формами

косвенных падежей имен существительных, а значит, затрудняя или делая невозможным выражение тонко дифференцированных смыслов даже при существенном расширении контекста, согласование определяющего слова с определяемым в роде, падеже и числе, вопреки ожиданиям, не повышает надежности передачи информации в сложных коммуникативных условиях.

Семантически не аргументированное настойчивое употребление согласованных определений и известная тенденция ставить согласованное определение перед определяемым словом приведут в конечном счете к возможности не использовать морфемные показатели для выражения атрибутивной роли уточняющего слова, а значит, к утрате согласования определения с определяемым и к использованию существительного вместо согласованного определения: *академия руководство, дипломатия маэстро, лингвистика конфликт*. Причем атрибутивные цепи будут уподобляться сложным словам и в них станет возможным включать основы причастий, что повлечет за собой неиспользование придаточных предложений. А в условиях мегаколлектива, ведущего оседлый образ жизни, а значит, при необходимости сохранения многозвенной цепи в передаче информации, утрата в массовом сознании носителей русского языка не только способности различения оттенков семантических значений, но и потребности в этом различении, приведет к еще более глубокой деинтеллектуализации российского общества.

2. ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Естественно сложившаяся языковая система, поддерживаемая определенными условиями коммуникации (внешней детерминантой), должна регулярно воспроизводиться. Воспроизводясь в речи членов языкового коллектива, она проявляет свою устойчивость, жизнеспособность и развитие.

Разнородность российского общества, которая могла бы вызвать тенденцию к максимальному аналицизму, еще не столь высока, чтобы провоцировать такие типологические перестройки, которые наблюдаются в русском языке уже сейчас.

Более того, важны, очевидно, не только количественные показатели разнородности, но и качественные — разнородность языкового коллектива, способствующая утрате флективности, может иметь и качественные характеристики: смешением каких именно слоев общества, с какими конкретными коммуникативными запросами эта разнородность образуется.

Если система (точнее, детерминирующие черты грамматического строя) перестает воспроизводиться носителями языка в силу масштабного, охватившего все сферы общественной деятельности глубокого падения речевой культуры и деградации образования, смены ценностных ориентиров (в направлении их снижения), в общественном сознании в конечном счете будет утрачена не только воля, но и способность использовать смысловыразительный потенциал, предоставляемый флективной системой.

В результате падения культурного уровня критической массы участников коммуникации наблюдаемые перестройки работают не на повышение уровня понимания сообщений в новых условиях, а на снижение возможности передачи

сложных и тонких смыслов в массовом сознании. То, что давало возможность смыслоразличения (например: *она была любима* — только в прошлом, но не в настоящем; *она была любимой* — в прошлом, а о настоящем здесь ничего не сказано), воспринимается как обременение. В сложившейся ситуации система не совершенствуется, а ломается носителями языка, адаптируется к пониженному уровню функциональности.

Можно услышать возражение: упрощение, которое дает утрата флективности и развитие изоляции, соответствует ускоренному темпу жизни и необходимости воспринимать потоки информации. Усилился ли информационный поток? Очевидно, усилился. Но количество воспринимаемой информации не свидетельствует о высоком качестве ее переработки и осмысления. Закон перехода количества в качество оборачивается в данном случае деградацией качественной стороны общения. Пренебрежение флективностью в сложившихся обстоятельствах кажется эффективным лишь при воспроизводстве известного алгоритма предметных смыслов.

Несоответствие типологических изменений во многом сохраняющейся внешней детерминанте грозит обернуться цивилизационной катастрофой: потомки не смогут воспринимать опыт предков. Язык сможет передавать простейшие текущие смыслы, но станет малопригодным средством трансляции культурного опыта. Окациональность внутренней формы знаков всегда ограничивает понятность этих знаков в пространстве и времени.

Конечно, проблемы разграничения сбоев в функционировании языковой системы и ошибок в речевой практике говорящих, функционально необходимых изменений системы в случае смены внешней детерминанты и флуктуаций в процессе речевой деятельности коллектива коммуникантов требуют более широкого и более детального исследования. И все же уже понятно, что происходящие в русском языке изменения сложно назвать адаптацией, поскольку анализируемые явления не снимают противоречия между утилитарностью и существенностью функциональных свойств объекта [22. С. 89].

На сегодняшний день крайне важна сама постановка проблемы описания и объяснения массовых речевых практик не только с точки зрения нормативной стилистики и культуры речи, но в первую очередь с позиций теоретической грамматики и типологической динамики языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если структуры отношений и связей между знаками перестают быть социально унифицированными, в языковом коллективе утрачивается возможность воспроизводить и опознавать знаки речевого потока и ассоциировать их с определенными компонентами внеязыкового мыслительного содержания. Внешнее сохранение флексии и грамматического согласования при нарушении функции прогноза в обозначении причинно-следственных связей развивающегося события не свидетельствует о флективности и потому статистические методы определения степени флективности дадут ложный результат.

Массовый характер происходящих изменений подвергает опасности типологическую сохранность русского языка как языка флективного. Флективность же может представляться избыточной лишь до тех пор, пока мы уверены в очевидности нами излагаемого, но как только мы оказываемся в роли адресата, а воспринимаемые смыслы усложняются и становятся по той или иной причине жизненно необходимыми, флективность будет востребованной. Флективность в русском языке, при сохраняющейся многозвенной цепи передачи информации в мегаколлективе, все еще остается частью культуры как способа выживания, а значит, и необходимым условием национальной безопасности.

Сохранение русского языка как языка высокофлективного имеет и общечеловеческое значение. Из субстанциональных признаков нации язык оказывается самым устойчивым признаком и вместе с литературой составляет самый значимый компонент национальной культуры. История человечества знает очень немного явлений чистой, возвысившей над временем и пространством вечной культуры, среди которых — русская литература. Русская культура вошла в мировую культуру именно своей литературой. Утрата русского языка как языка флективного, сохраняющего в себе память об индоевропейских истоках и дающего ключ к русской литературе, — потеря планетарного масштаба. Разрушение флективности неизбежно приведет к утрате в российском общественном и индивидуальных сознаниях внутренней потребности в воспроизводстве русской литературы, а литература воспроизводится только при чтении, при сотворчестве читателя и писателя.

© Валентинова О.И., Рыбаков М.А.

Дата поступления: 08.10.2018

Дата приема в печать: 26.11.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мельников Г.П. Язык как система и языковые универсалии // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. С. 34—45.
2. Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Типологическая динамика языка как результат изменения ментальности его носителей // Язык и ментальность в диахронии. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 58—70.
3. Humboldt W von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin: Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften 1836.
4. Мельников Г.П. Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадильной. М.: РУДН, 2000.
5. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003.
6. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Сов. Радио, 1978.
7. Mel'nikov G.P. Systemology and linguistic aspects of cybernetics. Amsterdam, 1988.
8. Danylenko A. The correlation of linguistic patterning and societal structures in systemic typology // *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, 135 (2018). P. 81—96.
9. Mieczkowska H. Formy zaniku fleksyjności w deklinacji słowackiej w konfrontacji z polszczyzną // *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich*. Warszawa, 2003. P. 127—138.
10. Мельников Г.П., Дремов А.Ф. Уровни связности текста, актуальная предикация и падеж с позиций системной лингвистики // Синтаксис и стилистика. М.: УДН, 1984. С. 49—70.

11. *Дремов А.Ф.* Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного. М.: Мир русского слова. 2001.
12. *Дремов А.Ф.* Простое предложение и его значение // *Языковая Системология*. М.: РУДН, 2013. С. 56—64.
13. *Рыбаков М.А.* Развитие представлений о типологическом сходстве языков: от многомерной классификации Э. Сепира до системной типологии Г.П. Мельникова // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: ЯСР. 2016. С. 17—136.
14. *Гзззян Д.М.* Функция предлога в составе семантической структуры высказывания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989.
15. *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen: Bd. Syntax. Wien: W. Braumüller, 1868—1874.
16. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Харьков: Д.Н. Полуехтов, 1888. Т. I.
17. *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Синтаксис русского языка. СПб.: Издание Д.Е. Жуковского, 1902.
18. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянских культур, 2001.
19. *Бицилли П.М.* Заметки о некоторых особенностях развития русского литературного языка // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. С. 249—340.
20. *Преображенский С.Ю.* Системный анализ стиха // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: ЯСК. 2016. С. 303—376.
21. *Валентинова О.И.* Системный подход к исследованию текста и стиля // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: ЯСК. 2016. С. 171—302.

УДК: 811.161.1:005

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-63-74

ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN IN THE LIGHT OF DETERMINANTAL ANALYSIS

Olga I. Valentinova, Mikhail A. Rybakov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The authors of the article discuss the possible ways to analyze the facts of mass modern Russian speech, which are traditionally considered from a normative-didactic point of view, from the standpoint of systemic linguistics, that is, applying analysis of the relationship between the determinants of a language of a certain morphological type and particular phenomena at all levels of linguistic structure. Such facts include, for example, violation of case coordination, use of nominative case instead of indirect, occurrence of the plural in abstract nouns outside the formation of concrete figurative meanings, incorrect usage of verb voice forms, lack of correlation between subject and verbal participle, lack of correlation of word-order structure of a sentence to the communicative (thematic-rhematic) structure of an utterance, the misuse of synonyms, etc. The method of determinant analysis of languages developed within the framework of a systemic typology allow researchers to identify the tendency to break down inflectional connections between words at a formal and substantive level, which is surely fixed in modern Russian, and increase the analytical methods of constructing a phrase.

The deformation of the inflection of the Russian language, caused by the growth of the national, social and cultural heterogeneity of the linguistic group, while retaining such parameters of the external

determinant that determine the inflectional grammatical type, like the scale of the linguistic collective and the mode of communication, not only makes it difficult to express complex meanings, but also makes them ultimately account unclaimed in society, reducing the continuity in the transfer of socially significant experience.

The authors focus on such problems as comparing the typological standard of inflectional languages and characteristics of the grammatical system of the Russian language, the correspondence of the accepted literary norm to the typological ideal, the correspondence of mass speech practice with the literary norm, the factors changing the frequency of grammatical forms, the interaction of external and internal determinants of the modern Russian language.

The theoretical basis of the article was developed in the second half of the 20th century, but still not widely known in linguistics the systemic linguistic concept of Professor Gennady Prokop'evich Mel'nikov, which revealed large prospective for the synthesis of special linguistic disciplines, as well as linguistics, semiotics and computer science.

Key words: analyticism, deterministic analysis, system typology of languages, typological dynamics, Russian language, inflectivity

REFERENCES

1. Mel'nikov, G.P. (1969). Language as a system and language universals In *Language universals and linguistic typology*. Moscow: Nauka. pp. 34—45. (In Russ.).
2. Valentinova, O.I., Rybakov, M.A. (2017). Typological dynamics of a language as a result of a change in the mentality of its carriers In *Language and mentality in diachrony*. Vladimir: Transit-X. pp. 58—70. (In Russ.).
3. Humboldt, W von. (1836). On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Spiritual Development of the Human Gender. Berlin: Printing House of the Royal Academy of Sciences. (In Germ.).
4. Mel'nikov, G.P. (2000). Systemic typology of languages: Synthesis of morphological classification of languages with stadial. Moscow: RUDN University. (In Russ.).
5. Mel'nikov, G.P. (2003). System typology of languages: Principles, methods, models, L.G. Zubkova (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Mel'nikov, G.P. (1978). Systematology and language aspects of cybernetics. Moscow: Soviet Radio. (In Russ.).
7. Mel'nikov, G.P. (1988). Systemology and linguistic aspects of cybernetics. Amsterdam.
8. Danylenko, A. (2018). The correlation of linguistic patterning and societal structures in systemic typology, *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, 135, 81—96.
9. Mieczkowska, H. (2003). Forms of the disappearance of inflexibility in the Slovak declension in confrontation with Polish In *Innovative processes in Slavic languages*. Warsaw. pp. 127—138. (In Pol.).
10. Mel'nikov, G.P. & Dremov, A.F. (1984). Levels of connectivity of the text, actual predication and case from the standpoint of system linguistics In *Syntax and style*. Moscow: RUDN University. pp. 49—70. (In Russ.).
11. Dremov, A.F. (2001). Systemic theory of case and preposition in the practice of teaching Russian as a foreign language. Moscow: World of Russian words. (In Russ.).
12. Dremov, A.F. (2013). Simple sentence and its meaning In *Language Systemology*. Moscow: RUDN University. pp. 56—64. (In Russ.).
13. Rybakov, M.A. (2016). The development of ideas about the typological similarity of languages: from the multidimensional classification of E. Sapir to system typology Melnikova In: O.I. Valentinova, V.N. Denisenko, S.Yu. Preobrazhenskiy, M.A. Rybakov *System view as the basis of philological thought*. Moscow: YASR. pp. 17—136. (In Russ.).
14. Gzgzyn, D.M. (1989). The function of the preposition in the composition of the semantic structure of the statement [abstract of dissertation]. Moscow: RUDN University. (In Russ.).

15. Miklosich, F. (1868—1874). *Comparative grammar of Slavic languages: Bd. Syntax*. Vienna: W. Braumüller. (In Germ.).
16. Potebnya, A.A. (1888). *From notes on Russian grammar*. Kharkov: D.N. Poluehtov. Т. I. (In Russ.).
17. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1902). *The syntax of the Russian language*. St-Petersbourg: Edition of D.E. Zhukovskiy. (In Russ.).
18. Peshkovskiy, A.M. (2001). *Russian syntax in scientific coverage*. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
19. Bitsilli, P.M. (1996). *Notes on some features of the development of the Russian literary language*. *Bitsilli, P.M. Selected works on philology*. Moscow: Heritage. pp. 249—340. (In Russ.).
20. Preobrazhenskij, S.Yu. (2016). *Systemic analysis of the verse* In: O.I. Valentinova, V.N. Denisenko, S.Yu. Preobrazhenskij, M.A. Rybakov *Systemic view as the basis of philological thought*. Moscow: YASK. pp. 303—376. (In Russ.).
21. Valentinova, O.I. (2016). *Systemic approach to the study of text and style*. In: O.I. Valentinova, V.N. Denisenko, S.Yu. Preobrazhenskij, M.A. Rybakov *System view as the basis of philological thought*. Moscow: YASK. pp. 171—302. (In Russ.).

Для цитирования:

Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Активные процессы в современном русском языке в свете детерминантного анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2019. Т. 10. № 1. С. 63—74. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-63-74.

For citation:

Valentinova, O.I. & Rybakov, M.A. (2019). Active processes in modern Russian in the light of determinantal analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 63—74. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-63-74.

Сведения об авторах:

Валентинова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: теория и история поэтического языка, история русского литературного языка, филологическая герменевтика, системная типология языков; *e-mail*: ovalentinova@yandex.ru

Рыбаков Михаил Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: сравнительно-типологическое языкознание, системная типология языков, сопоставительная семантика, общая морфология; *e-mail*: rybakov_ma@pfur.ru

Information about the authors:

Olga I. Valentinova, Doctor of Science, Professor of Chair of General and Russian linguistics, Faculty of Philology, RUDN University; *research interests*: theory and history of poetic language, history of Russian literary language, philological hermeneutics, system typology of languages; *e-mail*: ovalentinova@yandex.ru

Mikhail A. Rybakov, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Chair of General and Russian linguistics, Faculty of Philology, RUDN University; *research interests*: comparative typological linguistics, systemic typology of languages, comparative semantics, general morphology; *e-mail*: rybakov_ma@pfur.ru